

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ЭНАНТИОСЕМИЯ И ДИФФУЗНОСТЬ В ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается гипотеза первоначальной энантиосемии, выдвинутая К. Абелем, в связи с чем анализируются подходы З. Фрейда, Э. Бенвениста, Сами-Али. Для языковой единицы, соответствующей явлению энантиосемии, предлагается термин энантионим. Делается вывод, что энантиосемия как следствие и как причина языковых изменений появляется только на определенном этапе полисемантизации слова и связана с проблемой семантической диффузии слова.

Как известно, энантиосемия – это способность слова (морфемы и т. д.) выражать антонимичные значения. Например, «дело запущено» (1. Дело начато. 2. Дело завершается в беспорядке), «прослушать» (1. Прослушать абитуриента. 2. Прослушать сказанное), «наверное» (1. Конечно; 2. Возможно); «бесценный» (1. Не имеющий цены. 2. Сверхценный), «занять» (у кого-то; кому-то).

Одни исследователи считают энантиосемию внутрисловной антонимией, т. е. особой непродуктивной разновидностью антонимии. Формальным выражением энантиосемии, по мнению некоторых лингвистов, служат различия в синтаксической или лексической сочетаемости слова в его полярных значениях [1:29]. Но другие исследователи отрицают, что это внутрисловные антонимы, считая энантиосемию разновидностью омонимии [2:64]. Эта точка зрения представляется слишком радикальной. Если взять в качестве примера такие энантиосемные слова, как «лихой» и «просмотреть», то разница в категориальном отнесении будет очевидна. Первое слово нельзя разделить по значениям на два разных слова, а второе – допускает это, поскольку энантиосемичность приставки создает два омонима.

У термина «энантиосемия», обозначающего определенное языковое явление, есть синоним – «антифраза» («антифразис») [3:49]. Таким образом, в данной области лингвистики сложилась не совсем удобная ситуация, когда имеется даже два названия лингвистического явления, в то время как отсутствует термин, обозначающий языковую единицу со свойствами данного явления. Иногда встречаются в англоязычной литературе такие термины, как «авто-антонимы» (auto-antonyms) или «оппонимы» (opponyms) (американский писатель Джин Томпсон), но они не получили широкого распространения.

На наш взгляд, для обозначения таких лексических единиц гораздо предпочтительней использовать термин «энантионим», так как, во-первых, этот термин согласуется с названием явления, во-вторых, он довольно точен (*эн* – «внутри», *анти* – «против», *оним* – «имя»). Поэтому в дальнейшем в качестве коррелята энантиосемии будет использоваться термин *энантионим*.

Примечательно, что в отличие от европейских языков в арабском языке есть особое слово с корнем Ddd (ср. Didda – «против») для обозначения энантионима. Это – Didd – «противник», «противоположность», «контраст», а также «слово, имеющее два противоположных значения» (мн. ч. aDDad). Как видим, само это слово представляет собой энантионим.

Энантиосемия может рассматриваться и как следствие, и как причина языковых изменений. В первом случае между лингвистами нет больших расхождений: энантиосемия – результат языковых изменений. Во втором случае языковеды сочли проблему надуманной и почти не занимались ею. Речь здесь идет о проблеме, которую мы назовем *первоначальной энантиосемией*. Эту гипотезу выдвинул немецкий исследователь Карл Абель в книге «Противоположные значения праслов» (*Über den Gegensinn der Urworte*), написанной в 1884.

Свою гипотезу о первоначальной энантиосемии Абель обосновал примерами из египетского языка, утверждая, что в египетском много слов с противоположными значениями, причем это не следствие неразвитости мышления и бедности языка – ведь они смогли создать довольно развитую цивилизацию, и подобная особенность лексики не составляла препятствия для египтян [4:4]. Причина энантиосемии, по Абелю, в том, что понятия у людей возникли вследствие сравнения. Если бы всегда было светло, то не было бы различия между светлым и темным, и поэтому не было бы ни понятия, ни слова, выражающего светлость, не было бы и добродетели, потому что не было бы порока, не различались бы ни холод, ни тепло [4: 12-13].

Слова с противоположными значениями объясняют становление понятий и их языковых обозначений в доисторические времена, например, слово, объединяющее в себе понятия «сильный» и «слабый», не обозначало ни того, ни другого, а только отношение между обоими понятиями. Подобное полуосознанное измерение в языке существует и сейчас: мы называем «сильным» только то, что сильнее ему подобного, а «большим» только то, что больше того, что мы в мыслях сравниваем [4: 14-16].

На примере египетского слова «ken» («сильный» и «слабый») Абель пытался объяснить, как египтяне добивались однозначности высказывания с таким противоречивым по семантике словом. По его мнению, в древнем Египте выходили из положения для различения силы и слабости субъекта высказывания при помощи жестов, уточняющих значение слова. Что касается письма, то точному пониманию слова способствовали особенности иероглифической письменности, где знаки, обозначающие звуки, сопровождалась поясняющими детерминативами. В данном случае детерминативы представляли собой стоящего человека с палкой («сильный») и сидящего человека («слабый»).

Так же пояснялись и значения других слов. Например, смысл слова kef («брат/взять») также, по мнению Абеля, можно было легко выразить соответствующей жестикующей. Жесты были тем более необходимы, что в египетском языке имелось большое число омонимов. Например, одно и то же слово могло обозначать «танцевать», «теленок», «сердце», «вода», «уходить», «требовать», «левая рука» и «фигура» [4: 18-19].

В дальнейшем энантиосемия постепенно размывалась, например, происходило разделение одного слова на два слова через две различные фонетические модификации, в данном случае слово ken перешло в два варианта – *кне* «сильный» и *кнау* «слабый», что нашло свое отражение и в иероглифике [4: 22].

Карл Абель дал в приложении списки энантиосемичных слов из разных языков (египетского, арабского, «индогерманских») без какого-либо критического анализа. Примеры арабской энантиосемии Абель брал из Kitab al-aDDad Абу Бакра ибн аль-Анбари, где были собраны многочисленные примеры из литературного языка и многочисленных диалектов, а также из архаичной и разговорной лексики, включая вульгаризмы, например такие слова, как: *abbana* – «укорять», «хвалить»; *taattama* – «грешить», «воздерживаться от греха»; *azrun* – «сила», «слабость»; *asida* – «бояться льва»; «походить на льва»; *amatum* – «маленькая вещь», «большая вещь» и т. д. При этом отмечалось все же, что обычно из нескольких значений в слове превалирует лишь одно из этих значений [4:49].

Под влиянием работы Абеля вопросами энантиосемии заинтересовался основатель психоанализа З. Фрейд, опубликовав в 1910 году статью «О противоположных значениях в первообразных словах». Эта статья опиралась на его книгу «Толкование сновидений», где отмечалось, что логика сновидений характеризуется нечувствительностью к

противоречию. [...]«Сновидение превосходно умудряется соединять противоположности и представлять их в виде одного и того же объекта. В сновидении также тот или иной элемент часто представляется через свою противоположность...»

Работу Фрейда подверг резкой критике Э. Бенвенист в своих «Заметках о роли языка в учении Фрейда», утверждая, что факты никак не подтверждают этимологические рассуждения Карла Абеля, соблаздившие Фрейда, и ни один серьезный лингвист не принял этой идеи «Gegensinn der Urworte» ни в своем методе, ни в своих выводах, поскольку реконструкцию надо начинать с самой древней даты и опираться на регулярные соответствия [5: 119-120]. Статья Фрейда, который не был специалистом в лингвистике, послужила поводом к критическому разбору Бенвенистом работы Абеля. Слабость аргументов Абеля, основанных на ряде соответствий между английским и немецким языками, в которых праязыковые энантионимы фонетически преобразовались с целью дифференциации слов с противоположными значениями, французский лингвист вскрыл, уличив Абеля в прямых ошибках. Например, старое наречие *bass* «хорошо» в немецком языке родственно *besser* «лучше», но никак не связано с *bös* «плохой», точно так же, как в древнеанглийском языке *bat* «хороший, лучший» не имеет никакой связи с *badde* (современное *bad* «плохой») [5: 120].

Второй ряд доказательств Абеля на основе выражений, принимающих противоположные значения в одном и том же языке, также избыточен, по мнению Бенвениста, натяжками и ошибками (например, предполагаемая противоречивость *with-out* заложена не в истоках языка вообще, а в началах английского языка; ср. *with-stand* – «противостоять»). Предполагаемое изначально двойное значение латинского *sacer* («священный» и «проклятый») Бенвенист опровергает тем, что в средние века, например, король и прокляженный были оба в буквальном смысле «неприкасаемые» и особенности данной культуры обусловили два противоположных отношения к «священному» предмету.

Разумеется, пример Бенвениста – неплохой аргумент, но это тоже остается только предположением (ведь сравнение – не доказательство). Огромная отдаленность лексических истоков не позволяет подтвердить ни ту, ни другую гипотезы, так как вполне возможно, что противоположное значению «святой», «посвященный» значение «обреченный подземным богам» (т. е. «проклятый»), встречавшееся у Горация, Плавта и Вергилия (*auri sacra fames*), было именно первоначально-

ным значением, да и сам аргумент Бенвениста может быть обращен против его же критики: «неприкасаемый» как диффузное понятие могло породить противоположные значения, тем более что в данном примере у слова *sacer* есть и еще одно значение, которое вполне могло быть первоначальным, – «магический», «таинственный», откуда легко можно совершить переход в любую сторону – как к значению «благоволящий», так и к «зловещему» (ср. *sacra passio* – «падучая, эпилепсия»).

При отсутствии надежных реконструкций в пользу Абеля можно привести уже известный пример энантиосемии, причины которой могут считаться раскрытыми, – слово *venenum* (*venesnum* от *venus*).

Любовный напиток Венеры мог принести как пользу, так и вред, поэтому это волшебное снадобье позже стало означать как «яд», «отраву», так и «бальзам», «волшебное снадобье».

Вышесказанное не означает, однако, что был прав Абель, ведь сама его аргументация очень слаба, так как она убедительно не подкреплена надежными материальными свидетельствами, но все же он имел право на гипотезу в отсутствие возможности надежной реконструкции. Возможно, какая-то небольшая часть лексики всегда внутренне непротиворечива в любом языке, но это не основание для широких экстраполяций, тем более на примерах экзотичных языков.

Бенвенист совершенно был прав, когда указывал, что при взгляде на другие языки мы впадаем в иллюзии, так как мы принимаем категории нашего родного языка за необходимые и универсальные, поэтому находим энантиосемию, например, в слове *altus* «высокий» и «глубокий»: качество может оцениваться из глубины колодца вверх или от подножья дерева вверх, ведь во французском есть и другой способ оценки пространства: *profondeur* – это и «глубина неба» и «глубина моря» [5: 119-120].

Каждый язык, говорит Бенвенист, является своеобразным и членит реальность на свой особый лад. Различия, которые устанавливает при этом каждый язык, должны быть отнесены за счет той частной логики, которая лежит в их основе, а не оцениваться непосредственно с точки зрения универсалий.

В архаичных языках, по его мнению, не обнаружены достоверные нарушения «закона противоречия», согласно которому одному и тому же выражению придавалось бы два взаимоисключающих или хотя бы противоположных понятия. «Если предположить, что существует язык, в котором «большой» и «маленький» выражаются одинаково,

то в этом языке различие между «большой» и «маленький» просто отсутствует и категории величины не существует» [5: 122].

В своей критике Фрейда Бенвенист отрицает противоречия в «исторических» языках, но предлагает находить их в мифах и в поэзии, так как некоторые формы поэзии сближаются со сновидениями, особенно это относится к поэзии сюрреализма. Именно в стиле, а не в языке можно найти те особенности, которые отличают «язык» сновидений. «Мы находим здесь и там все способы субституции, порожденные табу: эвфемизмы, намеки, антифразы, умолчание, литоту, все виды метафоры, метонимию, синекдоху, эллипс и т. д.» [5: 123-126].

В данном случае Бенвенист противоречит самому себе, отрицая противоречия в древних языках: ведь именно стилистическое употребление слов есть один из путей возникновения энантиосемии. Не исключено, что энантионимы «*ken*» и «*kef*» – следствия «перевертывания» значений, аналогичных жаргонному употреблению «*bad*» не в своем основном значении «плохой», а в смысле «подходящий», «отличный» в сленге американских негров.

К тому же для понятия «плохой» можно найти и зафиксированный лингвистами [6:237] пример: *schlecht* – («хороший») за несколько столетий приобрел противоположное значение («дурной»). В *Bescheidenheit* Фрайданка (XIII век) высказывание *Er [Got] enwil niht tuon wan slehtes* переводится как «Бог не делает ничего, кроме *хорошего*». Развитие значения шло следующим образом: *schlecht* первоначально обозначало «ровный» и «прямой», но оно означало также «простой» → «глуповатый» → «бесполезный» → «дурной». Но тем не менее основной тезис Абеля опровергается Бенвенистом правомерно.

Бенвенист не привел и другой аргумент против гипотезы Абеля: египтянам не было необходимости при наличии подсобного жестового языка прибегать к слову-посреднику с диффузным значением, так как жестами легко выразить и величину (ср. жесты хвастливого рыбака), и передачу предметов друг другу.

Несмотря на серьезную критику Бенвенистом этой теории современные психоаналитики продолжают поддерживать взгляды Абеля и Фрейда, но уже больше с уклоном в мистику и поэзию, в чем они вполне согласуются с рекомендациями Бенвениста относительно сферы использования энантионимов. Например, Сами-Али в статье «*Langue arabe et langage mystique. Les mots aux sens opposé*

et le concept d'inconscient» («Арабский язык и мистический язык. Слова с противоположными значениями и понятие бессознательного») развивает идеи Фрейда о проявлении в сновидениях первобытного языка, вновь упоминая египетский язык, где одно и то же слово может обозначать определенную вещь и ее противоположность. При этом автор сосредоточивается исключительно на арабском языке.

Сами-Али приводит немало примеров арабских `aDDad (ед. число – Didd), т. е. слов, имеющих два противоположных значения. Он подразделяет `aDDad на четыре грамматические категории (прилагательные, существительные, глаголы и наречия). Эти примеры выглядят внушительно, поскольку включают немало общеупотребительных слов (в транслитерации французского оригинала): takhn («длинный» и «короткий»), ma`n («длинный» и «короткий»), ghadi («светлый» и «темный»), aswad («белый» и «черный»), zahiq («толстый» и «худой»), masjur («полный» и «пустой»), djalal («большой» и «маленький»), wameq («любящий» и «любимый»), ta'em («питающий» и «питаемый»), siwa («другой» и «тот же самый»); abd («движение» и «покой»), baun («разделение» и «соединение»), shaman («близость» и «отдаление»), sarim («утро» и «ночь»), azr («сила» и «слабость»), sudfan («тьма» и «свет»), rahwu («углубление» и «возвышенность»), dasl («запрет» и «разрешение»), qanes («охотник» и «добыча»), kull («все» и «часть»); sara («объединять» и «разъединять», «подниматься» и «опускаться» и т. д.), lamaqa («писать» и «стирать написанное»), tala`a («появляться» и «исчезать»), asarra («выявлять» и «скрывать»), zahaka («приближаться» и «удаляться»), ba`a («продавать» и «покупать»), ghabara («останавливаться» и «отправляться»), hawa («подниматься» и «спускаться» и т. д.); wara («спереди» и «сзади»), dun («верх» и «низ», «перед» и «зад»), fawq («верх» и «низ»), ba«d («после» и «перед») [7: 188].

На неискушенного читателя этот перечень может произвести впечатление, если не учитывать тот факт, что, как и Карл Абель, Сами-Али брал большинство своих примеров из Kitab al-aDDad Абу Бакра ибн аль-Анбари, где наряду со словами литературного языка были собраны многочисленные диалектизмы и архаизмы. Если же провести анализ на синхронном уровне (современная лексика, литературный язык и один территориальный диалект), то выяснится, что слов с противоположными значениями не так уж и много: большинство слов – это совершенно не aDDad. Арабско-русский словарь Х.К. Баранова не подтверждает подавля-

ющее число указанных К. Абелем и Сами-Али примеров. Налицо лингвистическая легенда, аналогичная той, где говорится о сотнях арабских синонимов для обозначения коня, льва или верблюда.

Сами-Али справедливо полагает, что наличие `aDDad в арабском – это признак не бедности, а напротив, богатства языка. `aDDad – не стилистические фигуры, которые могут обозначать противоположное, а особая категория слов, значение которых выводимо из контекста. Например, djawwana может означать «белить», если речь идет о побелке двери новобрачной, и «чернить» – если говорят о двери мертвого.

Однако утверждая, что в Коране глагол kana обозначает не только прошедшее время, но и будущее [7:189], Сами-Али переносит особенности индоевропейских языков на семитские, где существование категории времени многими исследователями отвергается в пользу категории вида. Поэтому утверждение временной транспозиции мы считаем здесь не совсем правомерным. С другой стороны, здесь на одну доску ставятся лексические и грамматические свойства слов.

Сами-Али отмечает, что aDDad могут означать: 1. Два противоположных направления переходного действия ba`a («продавать» и «покупать»), непереходного действия tala`a («появляться» и «исчезать»); 2. Совпадение субъекта и объекта wameq («любящий» и «любимый»), сам объект или его свойства, пространственные и временные отношения dun («верх» и «низ», «перед» и «зад»), ba`d («после» и «перед») [7:190].

Само слово Didd представляет собой Didd как понятие, которое означает подобное и противоположное, схожее и несхожее. «Слова с противоположными значениями являются и не являются словами с противоположными значениями [...] они представляют собой метаязык, который воспроизводит на уровне целого то же отношение, которое характеризует каждую из его частей. Целое само становится частью. По сути дела это не противоречие, а замкнутое кольцо, то есть не что иное как парадокс ($a \supset b \supset a$)». aDDad – это субстантивированные метафоры, которые больше нацелены на транспозицию, чем на практическую потребность информирования. По своей природе они принадлежат к поэтическому языку, который не отвергает противоречие, и связаны с мистическим опытом [7:190-191].

И все же следует отметить, что часть aDDad представляют собой именно стилистические фигуры, которые использовались в классической поэзии и позднее в суфийской поэзии, где большин-

ство образов имеют второй мистический план. Если исключить диахронную энантиосемию (слово поменяло свое значение на противоположное) и диалектную энантиосемию (в диалекте в отличие от литературного языка у слова – противоположное значение), то окажется, что доля энантионимов в языке незначительна, и языки лишь различаются по степени этой незначительности. В этом отношении арабский, египетский, русский, немецкий и английский языки практически не различаются.

Однако существует проблема, которая и стимулировала появление гипотезы первоначальной энантиосемии. Это проблема семантической диффузии слова. Дело в том, что очень многие слова (если не все) могут превратиться сначала в окказиональном, а затем в узуальном плане в энантионимы. Например, в случае, аналогичном *djawwana*, приведенном выше, можно использовать любое слово применительно к дверям (невесты или покойного), и контекстуально оно может принимать противоположные значения, как их принимает, например, глагол «сделать», который в том или ином контексте может означать и «создать» и «разрушить»; или существительное «штуковина», которое может обозначать любой предмет, по сути выполняя функцию местоимения и т. д. Отсюда можно сделать вывод, что в древней лексике так называемая первоначальная энантиосемия – есть следствие потенциальной семантической диффузии слова, которая, хотя и в меньшей степени, свойственна и современной лексике. Энантиосемия появляется только на определенном этапе полисемантизации слова. Изначально же существовали не противоположные, но просто разные значения одного и того же слова, вытекающие из одного основного понятия. Диффузность значения слова можно показать на примере шумерского языка, где корневое понятие «вода» путем метонимического и метафорического переносов породило ряд значений, некоторые из которых прямо противоположны друг другу (выделены курсивом): слово «а» имеет значения «вода», «наводнение», «слезы», «увы», «канал», «семенная жидкость» («сперма»), «отпрыск, потомок», «отец». Другие примеры: «и» – «растение», «овощ», «трава», «хлеб», «пастбище», «питать», «кормить», «поддерживать», «вес», «груз», «сильный»; «te», «de4» – «щека», «подбородок», «приближаться», «встречать», «нападать», «пугаться»; «kur» – «гора, горы», «зарубежье», «подземный мир»; «áš» – «желать», «проклинать»; «sig3,11», «sag2,3», «si» – «срубить», «разрушать», «тряс-

ти», «устранять», «успокоиться». Можно привести примеры и из других языков, например, греческое *συμφορά* : «взнос», «стечение обстоятельств», «случайность», «несчастливая случайность», «несчастье», «счастливое происшествие», «преступление», «проступок».

Латинский пример: *nuptae* – «свадьба, брак, женитьба»; «сожитительство, интимная (внебрачная) связь».

Достаточно хорошо известен пример перехода белого в черное в английском языке, когда *black* оказывается когнатом *blank* (совр. фр. *blanc*). Возможно, аналогичным образом возникла энантиосемия в арабском: *jawn* (1. «черный, вороной (о коне)»; 2. «белый (о коне)»; 3. «день»).

Некоторые концепты во многих языках сами притягивают энантиосемию в силу своей понятийной диффузности (например, *связь*, которая может быть как дружественной, так и враждебной). Примером может служить английское *with* (родственное старому верхненемецкому *widar* – «против») – «вместе с кем-либо» (*with the family*), «имеющий что-то» (*with a moustache*), «на стороне кого-либо» (*he is with us on that issue*), «по сравнению с» (*a dress identical with*), «несмотря на» (*with all her experience, she could not get a job*), «против кого-либо» (*wrestling with an opponent*). Часть этих значений присутствует и в русском предлоге «с» (*дружить с ним, сражаться с ним* и т. д.).

Степень диффузности слов в немалой мере зависит также от стилистической принадлежности слова. Нормативная лексика (термины, сугубо литературная лексика) менее подвержены диффузии, чем разговорные и жаргонные слова. Поэтому полисемия в эпохи отсутствия нормативных литературных языков имела более неустойчивый характер, в результате чего можно предположить большую долю энантионимов в древних, нежели современных языках, так как литературная норма была менее устойчива (например, в греческих диалектах до появления койне). Отсюда и ошибка Абея, возведшего частные факты в абсолют.

Фактор диффузности – основной, но не единственный источник энантиосемии. Другими факторами могут быть: *векторный перенос* (исп. *sospechoso* «подозрительный», «подозревающий») или *реверсивный перенос* (*déshabillé* – «дезабиле» – домашнее платье, которое принято носить при посторонних), *контекстуальная неустойчивость понятия* («правый» в политическом смысле может означать и консерватора, и радикала), *эвфемизация* (древние «приличные названия» в греч. *πόρνη* – «продающая», в лат. *meretrix* – «зарабатывающая»,

эвфемистически обозначающие проституток, стали позже неприличными).

Приведенные выше источники энантиосемии служат средствами создания лишь незначительной доли энантионимов, значения которых зафиксированы в словарях. В то же время роль диффузности в появлении новых значений, в том числе противоположных, весьма значительна в речевом словоупотреблении. Особенно ярко это проявляется в раз-

говорной речи с ее частой контекстной энантиосемией, которая должна послужить предметом дальнейших исследований.

В заключение необходимо подчеркнуть, что гипотеза первоначальной энантиосемии, несмотря на свои очевидные недостатки, сыграла очень положительную роль, так как она обратила внимание исследователей на очень важные проблемы развития лексических значений.

Список использованной литературы:

1. Новиков Л.А. Лингвистическое толкование художественного текста. – М.: Русский язык, 1979. – 256 с.
2. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1964. – 316 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608 с.
4. Abel, Carl. *Über den Gegensinn der Urworte*. Leipzig: Verlag von Wilhelm Friedrich 1884. – 65 S.
5. Бенвенист Э. *Общая лингвистика* / Пер. с фр. – Под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
6. Мюллер М. *Наука о языке*. Вып. 1. Новый ряд чтений М. Мюллера в 1862 году. – Воронеж: 1868. – 282 с.
7. Sami-Ali. *Langue arabe et langage mystique. Les mots aux sens oppose et le concept d'inconscient* pp. 184-196 // *Resurgences et derives de la mystique*. Nouvelle Revue de psychoanalyse. Numero 22, automne, Gallimard, 1980.